

С. П. ПОЖАРСКАЯ

ФАШИСТСКАЯ ФАЛАНГА В ИСПАНИИ

НА ПУТИ К ВЛАСТИ

25 ноября 1971 г. в киосках Мадрида появился специальный выпуск популярного иллюстрированного еженедельника «La actualidad española» («Испанская действительность»). Он был посвящен дате, которой в фашистских кругах Испании придают особое значение: 20 ноября 1936 г. создатель фаланги и основоположник испанского фашизма Хосе Антонио Примо де Ривера был расстрелян по приговору революционного трибунала республиканской Испании. Но через два года специальным декретом Франко объявил эту дату днем общенационального траура.

35 лет спустя еженедельник предоставил свои страницы тем, кто сыграл заметную роль в истории фаланги: «воспоминаниями» поделились Рамон Серрано Суньер, бывший президент Национального совета фаланги, неоднократный министр в правительствах кабинетов Франко; Фернандес Куэста, первый генеральный секретарь фаланги и поныне верный догмам фашизма; затем Дионисио Ридруехо, бывший член политической хунты фаланги, занимающий сегодня, по его собственным словам, «идеологическую позицию, очень далекую от фалангизма»¹, и, наконец, сестра основателя фаланги Пилар Примо де Ривера. Последняя любезно сообщила читателям, что ее брат никогда не посещал средней школы, а его обучением лично руководил отец, генерал Мигель Примо де Ривера — могущественный первый диктатор Испании XX в. (1923—1930 гг.). Далее следовало, что сын диктатора был «истинным и убежденным католиком, верным во всем духу церкви», что, посещая библиотеку мадридского либерального клуба «Атенео», он увлекался философией, правом, историей и отдавал дань отечественной и зарубежной литературе. Картину «дополнил» Суньер, подтвердивший, что Хосе Антонио действительно посещал «Атенео», этот рассадник либерализма, и к тому же был весьма прилежным студентом Центрального университета. Можно было подумать, что речь шла не об основателе испанского фашизма, принесшем столько бедствий и горя стране, а всего лишь об испанском интеллигенте-гуманитарии средней руки, добром католике, исполненном всевозможных добродетелей. Ответы Фернандеса Куэсты отнюдь не умерили розовых тонов портрета основателя фаланги. На вопрос корреспондента, какие отношения существовали между Примо де Ривера и лагерем правых, Куэста ответил, что тот-де боролся за независимость фаланги и никогда не оказывал поддержки вождям правых, особенно таким одиозным организациям, как ультрамонархическое «Испанское обновление». На вопрос, был ли Примо де Ривера «революционером» (а именно таковыми рекламировали себя в свое время лидеры иных фашистских движений), бывший генеральный секретарь фаланги дал уклончивый ответ: изменились времена, определение «революционер» даже применительно к основателю фаланги могло шокировать нынешних благонамеренных читателей «Actualidad». Но все же Фернандес Куэста пытался убедить, что Примо де Ривера

¹ «La actualidad española», 18—25.XI.1971.

«страстно желал осуществить социальные реформы». На фоне этих безудержных панегириков лишь рассказ Дионисио Ридруехо прозвучал диссонансом. Он заявил, что вся концепция Примо де Ривера ныне представляется ему глубоко ошибочной. По его словам, основоположник фалангизма разделял «самые крайние положения фашистской доктрины: антимарксизм буржуазии и антидемократизм аристократии, вопиствующий национализм, стратегию меньшинства и, наконец, насилие... персонализацию власти». Журнал оставил откровения бывших лидеров фаланги без всяких комментариев, полагая, очевидно, что читатели выберут истину по своему вкусу.

Появление этой публикации в высшей степени знаменательно: режим личной власти Франко приходит к концу. Различные силы в Испании стремятся решить для себя, как действовать дальше. Среди них — фаланга. Задавшись целью поднять ее престиж, лидеры фаланги в последние годы часто обращаются к прошлому своей организации, пытаются приукрасить его и приспособить догмы фаланги к современным условиям. При этом они спекулируют на той социальной и националистической демагогии, к которой, подобно нацистам, для маскировки своих истинных целей прибегали главы фаланги в ранний период ее существования. В этих условиях поучительно выяснить, какова же была подлинная история фаланги, установить, где кончаются мифы, созданные официальной пропагандой, и где начинается действительность.

В 60-е годы после некоторого перерыва вновь возрождается повышенный интерес историков и публицистов к Испании. Причину этого вспыхнувшего с новой силой интереса к прошлому Испании, и прежде всего к истокам франкизма и первым годам диктатуры, следует искать в той неожиданной картине внутренней жизни испанского общества, которая предстала перед взорами современников во второй половине 50-х и особенно в 60-х годах. Мертвящая атмосфера франкизма, универсальным орудием которого продолжал оставаться политический террор, так и не смогла полностью отравить испанское общество. В последние годы произошло не только освобождение от остатков политического паралича, но и начался новый, могучий подъем широкого антифранкистского движения.

Распад фаланги стал очевидным фактом, и это породило серию вопросов: почему в таком случае продолжает сохраняться франкистский режим? Как складывались взаимоотношения Франко с фалангой в прошлом, и прежде всего в годы гражданской и мировой войн? Попыткам ответить на этот вопрос уделено определенное место в книгах, посвященных истории испанского фашизма. Чаще всего это отдельные разделы и главы в трудах более общего характера, но были опубликованы и специальные исследования, целиком посвященные испанскому фашизму. Речь идет прежде всего о книгах С. Пейна и Б. Неллессена². При всем различии авторской манеры изложения большинству работ буржуазных авторов свойственны весьма настораживающие тенденции. Определение прихода фашистов к власти как «революции» усилиями западногерманского историка Э. Нольтке и его единомышленников давно уже стало общим местом в работах буржуазных историков фашизма. По существу это есть не что иное, как попытка восстановить демагогические клише идеологов фашизма конца 20-х — начала 30-х годов. Однако даже у этих авторов, за исключением штатных пропагандистов фашизма, не поднялась рука применить это определение к контрреволюционному мятежу 18 июля 1936 г. Выход «нашел» Б. Неллессен. В книге «Запрещенная революция» он пишет, что фаланга хотела совершить «революцию», но ей помешал Франко, который «узурпировал» фалангу. Изобретенная схема заводит автора очень далеко: фаланга вырастает в антипод Франко и чуть ли не его основного противника. Эта тенденция противопоставления фаланги Франко более или менее отчетливо прослеживается во многих работах, касающихся истории испанского фашизма; американский историк Ю.³ Вебер, например, противопоставляет фалангу при жизни Примо де Ривера, которую он причисляет к «истинно фашистским движениям», фаланге у власти при Франко³. По суще-

² S. Payne. *Falange. A History of Spanish Fascism*. Oxford, 1962; B. Nellesen. *Die verbotene Revolution*. Hamburg, 1963.

³ «Annales», 1969, № 1, p. 195—196.

ству речь идет об одном и том же. В советской историографии пока нет специальных работ по истории испанского фашизма, хотя те или иные аспекты проблемы нашли свое освещение в работах, посвященных истории Испании в новейшее время⁴. Между тем необходимость в специальном исследовании испанского фашизма давно назрела.

* * *

28 января 1930 г. пала диктатура генерала Primo de Rivera. По своей классовой природе установленный им режим представлял собой «диктатуру помещиков и финансовой олигархии»⁵. Советский историк Х. Гарсиа определил ее как диктатуру «переходного типа от военно-монархической к фашистской, направленной прежде всего против рабочего и демократического движения, шедшего под знаменем буржуазно-демократической революции»⁶.

По образному выражению американского историка Д. Рэтклифа, генерал пытался остановить часы политической истории Испании⁷. Но уже к 1929 г. стало очевидным, что эта попытка не удалась: диктатура оказалась не в состоянии справиться с глубоким недовольством, охватившим широкие слои испанского общества. Начавшийся экономический кризис способствовал падению и без того невысокого жизненного уровня трудящихся масс, массовому разорению мелкой буржуазии. «Primo de Rivera продержался у власти семь лет благодаря чудесам эквилибристики: он пугал короля армией и армию королем и их вместе взятых политической и социальной революцией»⁸. И когда на горизонте появились первые грозные признаки того, что социальная революция в стране неминуемо приближается, механизм политической эквилибристики стал разлагаться. Даже те классы, которые находились у власти в период диктатуры — финансовая олигархия и помещики, — давно уже недовольные тем, что режим Primo de Rivera усиливал и углублял противоречия, в страхе перед дальнейшим ростом массового недовольства решили пожертвовать диктатурой и вернуться к конституционной монархии. Режим Primo de Rivera вызвал яростный гнев и неприязнь в самых широких слоях населения. Крах диктатуры Primo de Rivera усилил движение за буржуазно-демократические преобразования. Если до падения Primo de Rivera испанский народ причиной всех своих бед считал его диктатуру, то с ее ликвидацией все возрастающая ненависть народных масс обратилась против монархии: в грядущей республике они видели избавление от всех зол. 14 апреля 1931 г. испанская монархия пала, республиканский переворот свершился без насилия. Однако после бескровного свержения монархии Испания знала очень немного мирных дней. Рождение республики вызвало к жизни не только небывалую политическую активность народных масс, но и побудило к консолидации правые реакционные силы.

Первые фашистские организации в Испании, возникшие после установления республики, были всего лишь струей, и притом не самой сильной, в русле прочих течений испанской контрреволюции. Этим группам идейно предшествовали журналы-однодневки, существовавшие еще во времена диктатуры Primo de Rivera и объединявшие вокруг себя газетчиков и литераторов крайне националистического толка, которые проявляли откровенный интерес к «теории и практике» германского и итальянского фашизма. Речь идет в первую очередь о еженедельниках «La Nación», издававшимся Мануэлем Дельгадо, и «La conquista del Estado» («Завоевание государства»), издававшимся Рамиро Ледесма Рамосом. Р. Ледесма Рамос и стал одним из основателей первой фашистской группы — «Хунты наступления национал-синдикализма» (ХОНС). Многие в пропаганде и символике ХОНС объединяло эту организацию с прочими испанскими правыми: идеализация традиционных «испанских ценностей», восхищение

⁴ Х. Гарсиа. Испания Народного фронта. М., 1957; его же. Диктатура Primo de Rivera. М., 1963; его же. Испания XX века. М., 1967; М. Т. Мещеряков. Вся жизнь — борьба. М., 1971; М. Д. Прицкер. Подвиг испанской республики. М., 1962; С. П. Пожарская. Тайная дипломатия Мадрида. М., 1971.

⁵ «История Коммунистической партии Испании». М., 1961, стр. 37.

⁶ Х. Гарсиа. Диктатура Primo de Rivera, стр. 323.

⁷ D. Ratcliff. Prelude to Franco. New York, 1957, p. 2.

⁸ «Boletín decenal Estado Mayor central del Ministerio de Defensa nacional», № 37, 31.VIII.1938.

Испанней времен католических королей Изабеллы и Фердинанда, призывы к «национальному единству» на реакционной основе, ненависть к «либерализму», апрельской республике и рабочим организациям марксистской ориентации. Но были и существенные отличия. Ледесма Рамос, ярый приверженец Гитлера и Муссолини, рвался перенести идеи и практику германского и итальянского фашизма на испанскую почву. Это не помешало «первому фашисту» заимствовать некоторые демагогические призывы и у испанского анархо-синдикализма. В работах и статьях, и прежде всего в книге «Фашизм в Испании»⁹, он выдавал себя за сторонника передачи средств производства синдикатам производителей, выразив при этом надежду, что рабочие, объединенные в синдикаты, «возродят страну». Однако в отличие от анархо-синдикализма он превозносил беспрекословное повиновение государственной власти, стоящей на страже реакции.

ХОНС избрали себе знамя из трех полос — красно-черно-красное. Символом ХОНС были изображенные в виде креста стрелы и ярма (знак был заимствован из эпохи реконкисты и символизировал союз земледельца и воина). Символика ХОНС, а также крайне националистические лозунги — «Арриба» («Возродись») и «Испания — единая, великая и свободная» — позднее прочно вошли в арсенал испанского фашизма. Однако, по признанию самого Ледесма Рамоса, «на протяжении всего 1932 г. активность ХОНС была равна нулю»¹⁰. Испанские банкиры и аграрии-латифундисты, экономическая мощь которых пока не была сколько-нибудь серьезно затронута революцией, тем не менее с беспокойством взирали на бурную законодательную деятельность республиканских кортесов, опасаясь, как бы за весьма решительными словами не последовали бы в будущем столь же решительные действия.

Прогрессивная конституция 1931 г. и особенно ее 44-я статья, казалось, оправдывали тревогу воротил финансового капитала и землевладельческой аристократии. В этой статье шла речь о том, что «собственность на имущество всякого рода может быть объектом принудительной экспроприации ради общественного блага с условием справедливой компенсации, если только не будет принят другой закон, одобренный кортесами абсолютным большинством голосов»¹¹. Саботируя законодательство республики, латифундисты и финансовые магнаты готовились к сокрушению самого республиканского строя. Однако на первых порах испанская реакция игнорировала немногочисленных хонсисгов, предпочитая финансировать традиционные правые партии. К тому же антикапиталистическая фразеология, «экстравагантная», нарочито «плебейская» манера поведения хонсисгов не укладывались в представления испанских правых о том, как должны выглядеть те, кто был призван обеспечить столь желанный для контрреволюционеров «порядок». Большим престижем в стране врагов республики пользовалась правая клерикальная партия «Народное действие», основанная издателем католической газеты «El Debate» А. Эррерой, впоследствии епископом Малаги. К 1932 г. лидерство в этой партии с согласия Эрреры переходит к Х. Хильо Роблесу, профессору Саламанкского университета и депутату кортесов. 22 декабря 1932 г. на ассамблее правых организаций, созданной по инициативе партии «Народное действие», возникла «Конфедерация правых автономных организаций Испании» (СЭДА)¹². Монархисты большие надежды возлагали и на партию «Испанское возрождение», которую возглавлял архиреакционер Кальво Сотело. Эта группа поддерживала тесный контакт с «Испанским военным союзом», со временем ставшим «подлинно политической организацией командных кадров армии, политической партией генералов»¹³.

Однако приход Гитлера к власти пробудил интерес испанских правых к природе и целям фашизма. Весной 1933 г. за организацию фашистской партии взялся Хосе Антонио Примо де Ривера, старший сын покойного диктатора. Свою политическую карьеру Примо де Ривера начал в мае 1930 г. в стане монархистов на посту вице-секретаря «Национального союза монархистов». При всем этом он не вполне разделял идеа-

⁹ R. L e d e s m a R a m o s. ¿ Fascismo en España? (Sus orígenes, su desarrollo, sus nombres). Madrid, 1935.

¹⁰ S. P a y n e. Op. cit., p. 19.

¹¹ «Constitución de la República española». Madrid, 1931.

¹² S. G a l i n d o H e r r e r a. Historia de los partidos monárquicos bajo la segunda república. Madrid, 1954, p. 84.

¹³ J. M o d e s t o. Soy del Quinto Regimiento. Paris, 1969, p. 11.

лы и образ действия этой организации, в результате — бурный конфликт и последующий разрыв. Переговоры о создании и финансировании фашистской партии Х. А. Примо де Ривера вел с последователями своего отца, деятелями испанского финансового мира, с приверженцами крайних направлений националистической идеологии и откровенными почитателями Гитлера и Муссолини, например с Лука де Тена, издателем крупнейшей испанской газеты «АВС». Однако у представителей испанского делового мира, интересовавшихся фашистским движением, которое, впрочем, они предпочитали именовать «националистическим», личность самого Примо де Ривера вызывала мало энтузиазма¹⁴. Они полагали, что фашистского лидера надо выдать за «человека из народа», каким испанская пропаганда представляла Муссолини, или бывшего «фронтовика», как Гитлер. Среди возможных кандидатур на этот пост чаще всего называли Деметрио Карсельера, директора нефтяной компании на Канарских островах. Этот «человек из народа» со временем занял важное положение в мире бизнеса. Энергичный и напористый, не скрывавший своих симпатий к фашизму, Карсельер был холоден к политике, предпочитая «делать деньги». По разным причинам отпали и другие кандидатуры. Хосе Примо де Ривера — маркиз, выходец из традиционной офицерской семьи, литератор и юрист, человек «чересчур интеллектуальных занятий» явно не годился в лидеры. Однако ни для кого не оставалось секретом: сын бывшего диктатора был яростным врагом апрельской республики. Республиканская власть не раз брала его под арест, когда на горизонте вставала угроза антиреспубликанского заговора. В августе — октябре 1932 г. он был арестован по подозрению в участии в монархистском мятеже генерала Санхурхо.

В начале 1932 г. Примо де Ривера начал выпускать газету с примечательным названием «El Fascio». В марте республиканские власти конфисковали несколько выпусков этого листка. Его издание вскоре прекратилось, но не прекратилась деятельность его бывшего издателя по созданию фашистской партии. В октябре 1933 г. Хосе Примо де Ривера посетил Рим. Он был принят Муссолини, который весьма одобрительно отнесся к планам создания фашистской организации в Испании¹⁵. Начало деятельности этой партии было положено 29 октября 1933 г. В этот день в мадридском театре «Комедиа» собрались на митинг желающие вступить в ее ряды, а также сочувствующие фашистскому движению члены правых партий — всего 2 тыс. человек.

В демагогической речи, произнесенной Примо де Ривера в привычном для него тоне возвышенной риторики, содержался обычный набор весьма подержанных «откровений», бывших неоднократно в употреблении у разного рода фашистских «идеологов» Германии и Италии. В речи также отчетливо прослеживалось стремление спекулятивно использовать националистические чувства в реакционных целях. Предметом особых нападок оратора оказались политические партии. Он разъяснил присутствующим, что его организация полна решимости их запретить¹⁶. Оратор не особенно бравировал антикапиталистической фразеологией, как это было свойственно лидерам ХОНС, что обеспечило его речи благосклонный прием и в тех кругах консервативного лагеря, которые с некоторым недоверием относились к псевдорадикальной демагогии хонсистов. На первом заседании исполнительного комитета 2 ноября 1933 г. новая фашистская партия получила название «Испанская фаланга». Первоначальное предложение Примо де Ривера дать партии название «Испанский фашизм» было отвергнуто под тем предлогом, что это название взято из «вторых рук». Однако, несомненно, истинная причина отказа заключалась в том, что в Испании осенью 1933 г. само слово «фашизм» было одиозным и вызывало ненависть самых широких масс.

14 февраля 1934 г. Национальный совет ХОНС принял решение о слиянии с фалангой. Это слияние произошло 4 марта того же года. Объединенная партия стала называться «Испанская фаланга и ХОНС». Все эмблемы, изобретенные в свое время Ледесмой, были официально приняты новой организацией — красно-черный флаг, знак ярма и стрел, девизы «Арриба» и др. Билет с номером первым был выдан по предложению Примо де Ривера Ледесме Рамосу, затем следовали Примо де Ривера и пр.¹⁷

¹⁴ S. Payne. Op. cit., p. 32.

¹⁵ См. J. A. Primo de Rivera. Textos ineditos y epistolario. Madrid, 1956, p. 145—146.

¹⁶ J. A. Primo de Rivera. Obras completas. Madrid, 1952, p. 63—69.

¹⁷ J. Arraras. Historia de la Cruzada Española. Madrid, 1940, p. 20—23.

Но идиллия продолжалась недолго. Среди руководителей объединенной фаланги не было полного единомыслия. Псевдорадикальная и антиклерикальная фразеология бывших лидеров ХОНС не встречала одобрения у Примо де Ривера. Борьба против Ледесмы Рамоса, завершившаяся его изгнанием из фаланги в 1935 г., подогревалась не только желанием Примо де Ривера быть единственным и непререкаемым лидером организации, но и стремлением отсечь «синдикалистскую» линию.

Примо де Ривера считался в своих кругах «интеллектуалом»¹⁸. Индалесио Прието, один из лидеров социалистической рабочей партии, назвал в свое время доктрину основателя фаланги «туманной»¹⁹. Словесная эквилибристика Примо де Ривера представляла собой весьма пеструю эклектическую смесь положений, заимствованных у итальянского фашизма, германского нацизма, у консервативного крыла «Поколения 98-го года» и иных реакционных течений политической мысли Испании XIX — XX вв. Причислив себя к ученикам крупнейшего испанского философа Х. Ортега-и-Гассета, он восхищался И. Прието и писателем-расистом Р. Кипплингом, которого любил цитировать, но в еще большей степени — «ораторским искусством» Муссолини, отдавая должное и делам своего отца, покойного диктатора. Он преклонялся и перед имперской Англией, но из всех моделей современных ему государств Запада явное предпочтение отдавал «корпоративному государству» Муссолини, восхищался «авторитарным стилем» правления, хотя предпочитал и не упоминать вслух термин «диктатура». Разумеется, он был ярким врагом марксизма и социализма.

Сторонниками «боевой» тактики и организаторами фалангистских «пистолерос» называют обычно известных летчиков — Хуана Ансальдо, Руиса де Альду, участника одного из первых трансатлантических перелетов из Испании в Южную Америку. Они явно предпочитали пистолет печатному слову. Их роль в организации фалангистской милиции не вызывает никакого сомнения. Однако вскоре Хуан Ансальдо пал жертвой разногласий между сторонниками «интеллектуальной фаланги» и боевиками и выбыл из партии²⁰. Истинной причиной разрыва Х. Ансальдо с фалангой послужили не разногласия по вопросу о применении насилия, как это принято считать²¹, и даже не борьба за власть, победителем из которой вышел Примо де Ривера.

В действительности Примо де Ривера был решительным сторонником насильственных методов — кровавого террора. Ему принадлежит получившее широкую огласку высказывание: «Нам не нужно иной диалектики, кроме диалектики кулака и пистолета»²². В июне 1934 г. в кортесах разбиралась апелляция Примо де Ривера, который обвинялся в «недозволенном использовании оружия» — так комиссия кортесов «вежливо» именовала многочисленные террористические акты фалангистов, направленные против коммунистов и социалистов. Отвечая на обвинение, Примо де Ривера сказал: «Я совершенно не являюсь человеком sentimentalным, романтическим, воинственным или хотя бы храбрым, как это изображает сенyor Прието»²³. Однако поступки и действия за стенами суда характеризовали эту «интеллектуальную овечку» куда более определенно. Достоверно известно, что он активно скупал оружие и оно отнюдь не оставалось без употребления: на совести Примо де Ривера и его последователей уже к 1933—1934 гг. было немало кровавых преступлений.

Итак, Примо де Ривера не имел ничего против штурмовых отрядов фаланги, но ему не нравились планы истинных властителей Испании — воротил финансового капитала и латифундистов — отвести фалангистам второстепенную роль боевиков реакции, а затем исключить ее из тех сил, которым должна была принадлежать политическая власть после свержения апрельской республики. Некоторые деятели финансового мира, в первую очередь банкиры Бильбао и multimиллионер Хуан Марч²⁴, субсидировали фалангистских легионеров, однако лишь «прямые действия», т. е. террористи-

¹⁸ «La actualidad española», 18—25.XI.1971, p. 450.

¹⁹ I. Prieto. *Convulsiones de España*. México, 1967, p. 128.

²⁰ Накануне мятежа Санхурхо в августе 1932 г. Ансальдо был послан в Италию, где заручился обещанием маршала Бальбо оказать поддержку антиреспубликанскому перевороту, однако мятеж был подавлен прежде, чем эта помощь была оказана. — См. Х. Гарсиа. *Испания XX века*, стр. 187.

²¹ S. Payne. *Op. cit.*, p. 60—61.

²² J. Descola. *Histoire d'Espagne*. Paris, 1959, p. 536.

²³ I. Prieto. *Op. cit.*, p. 128—130.

²⁴ S. Payne. *Op. cit.*, p. 62.

ческие акции, этого «наступательного авангарда» реакции, вызывали у них прилив энтузиазма. Пока субсидий хватало лишь на приобретение оружия и экипировку, издание демагогической литературы, оплату налогов. Только сокрушительное поражение правых на выборах в феврале 1936 г. в корне изменило отношение финансовой элиты к целям и задачам фаланги ²⁵.

В мае 1934 г. Примо де Ривера отправился в нацистский Берлин. Историк испанского фашизма С. Пейн, ссылаясь на воспоминания «ветеранов» фаланги, утверждает, что Хосе Антонио не понравились в Германии ни язык, ни народ, ни национал-социалистская партия, которую он назвал «дурно демагогичной» ²⁶. Однако именно вскоре после посещения Берлина Примо де Ривера порвал с теми фалангистами, которые хотели свести функции фаланги к «боевым» действиям против рабочих. Сын диктатора уверовал в возможность захвата фалангой абсолютной власти в стране.

К 1933 г. обстановка в стране стала тревожной. «Успех, достигнутый левыми республиканцами и социалистами в деле консолидации демократической республики, был односторонен и непрочен» ²⁷. Не были осуществлены коренные социально-экономические преобразования, и Испания по-прежнему оставалась страной с нерешенными проблемами в сфере социальных отношений. Правые реакционные силы вступили на путь открытой борьбы с республиканцами, спекулируя на трудностях, переживаемых Испанией, а организации рабочего класса — основного защитника республики находились в состоянии глубокого раскола.

Руководители испанской социалистической рабочей партии явно недооценивали силы реакции и опасность фашизма. Все призывы к единству, исходившие от Коммунистического Интернационала и Коммунистической партии Испании, игнорировались. На воззвание Коминтерна о совместной борьбе социалистов и коммунистов, опубликованное в «Mundo Obrero» 10 марта 1933 г., лидеры социалистов не реагировали. 16 марта ЦК КПИ обратился с открытым письмом к социалистической партии, ее профсоюзному центру — Всеобщему союзу трудящихся и к анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда: «Все трудящиеся в равной степени заинтересованы в решении жизненно важной задачи — ликвидировать в зародыше угрозу реакции, сорвать ее пагубные провокации и подготовляемый ею государственный переворот. Пример Германии должен служить для всех наглядным предупреждением» ²⁸. Но, переоценив устойчивость республики и прочность своих позиций в кортесах и местном самоуправлении, лидеры социалистов были убеждены, что им не угрожает участь немецких социал-демократов.

Эта политическая слепота имела весьма пагубные последствия для судеб всей страны. Вскоре после ноябрьских выборов 1933 г., на которых левые республиканцы и социалисты потерпели поражение, было введено чрезвычайное положение. Правительство радикала Лерруса, а затем и Сампера объявило забастовки всех видов незаконными. Закрывались рабочие центры, распускались муниципалитеты, запрещалась рабочая пресса. Но рабочее движение Испании не было парализовано чрезвычайными мерами правительства. Это было время крупных экономических и политических выступлений испанского пролетариата, в ходе которых выковывалось единство антифашистских сил. Застрельщиком антифашистских демонстраций выступала коммунистическая партия, влияние которой росло день ото дня. Февраль и начало марта прошли под знаком солидарности с антифашистами Австрии. Испанская весна 1934 г. была жаркой. В апреле рабочие всех политических течений вели упорную борьбу против попыток амнистировать участников мятежа Санхурхо. В течение многих недель компартия вела широкую кампанию против слета молодежной организации СЭДА, в котором намеревались принять участие и фалангисты. Он был сорван. Меры правительства Лерруса и Сампера оказались бессильными против растущей активности испанского пролетариата. Тем не менее Хиль Роблес, глава СЭДА, заявил, что он «возьмет власть, будь что будет» ²⁹. Фаланга, число членов которой едва превышало 3 тыс. человек, яростью и жестокостью в борьбе с рабочим движением пыталась ком-

²⁵ «La actualidad española», 18—25.XI.1971, p. 449—450.

²⁶ S. Payne. Op. cit., p. 78.

²⁷ «Социально-экономические проблемы истории Испании». М., 1965, стр. 241.

²⁸ «Mundo Obrero», 16.III.1933.

²⁹ «El Socialista», 21.IV.1934.

пенсировать свою относительную немногочисленность. Террор фалангистской милиции нарастал, его жертвами становились многие коммунисты и социалисты. Правительство радикалов с беспокойством взирало на вооруженные до зубов отряды фалангистских молодчиков, сам вид которых и вызывающая манера поведения так не укладывались в привычный образ защитников «порядка». Радикалы, надеясь справиться с растущим рабочим движением при помощи традиционных средств подавления — армии и полиции, время от времени давали указание соответствующим службам об изъятии оружия у фалангистов. 10 июня 1934 г. полиция произвела очередной рейд по штаб-квартирам фаланги. Несколько десятков фалангистов, в том числе сам Примо де Ривера, были арестованы. Последний, впрочем, как депутат кортесов вскоре был освобожден *.

8 сентября 1934 г. в Кавадонге вновь должен был состояться слет молодежи СЭДА. В ответ руководящие центры комсомола и социалистической молодежи Астурии заключили соглашение о совместных действиях. 7 сентября три профсоюзных центра Астурии — Унитарная конфедерация труда, руководимая коммунистами, Всеобщий союз трудящихся, контролируемый социалистами, и анархо-синдикалистская Национальная конфедерация труда — опубликовали совместное решение об объявлении 8 сентября днем всеобщей политической забастовки. И пролетариат Астурии сорвал слет в Кавадонге. Хиль Роблес, выступая на следующий день в кортесах, обвинил правительство радикала Сампера в неспособности обеспечить порядок и объявил о намерении СЭДА взять власть в свои руки ³⁰.

1 октября правительство Сампера ушло в отставку. 2 октября было сформировано новое правительство с участием трех членов СЭДА. В ответ в ночь на 5 октября началась всеобщая политическая забастовка, переросшая в Астурии в вооруженное восстание. За несколько часов до начала восстания 4 октября в Мадриде впервые собрался Национальный совет региональных и национальных лидеров фаланги. Предполагалось договориться о стратегии и тактике организации, о месте, которое ей предстояло занять в грядущих событиях. Но все свелось к выборам «единого вождя». Национальным шефом «Фаланги и ХОНС» был избран Примо де Ривера. Вопрос об отношении к восстанию разногласий не вызывал: местные лидеры получили указание подключить отряды фалангистской милиции к действиям правительственных войск. И хотя формально правительство отказалось от услуг фалангистов, тем не менее они приняли активное участие в подавлении восстания, проявив особое рвение в расправах над побежденными антифашистами ³¹.

В ноябре 1934 г. была официально утверждена программа фаланги, состоявшая из 27 пунктов. Ледесма Рамос позднее утверждал, что автором программы был он сам, а Примо де Ривера лишь корректировал документ ³². Всю программу пронизывали мистический национализм и претензии на месспанскую роль Испании в судьбах мира.

Примерно к этому времени окончательно оформилась организационная структура фаланги. Члены ее делились на две категории, именуемые «линиями». Первую «линию» составляли активные члены, внесенные в официальные списки. Они составляли отряды фашистской милиции, терроризировали активистов рабочего движения, и прежде всего функционеров компартии, вели все более ожесточенную борьбу против демократических институтов, используя прессу и улицу. Вторую «линию» составляли те, кто сотрудничал с фалангой, оказывая ей финансовую помощь, но предпочитал оставаться по тем или иным причинам в тени — «на нелегальном положении» ³³. Активных членов фаланги в начале 1935 г. насчитывалось уже до 5 тыс. человек. О численности фалангистов второй «линии» можно лишь гадать. Две трети активных фалангистов были моложе 21 года. М. Унамуно, писатель и выдающийся испанский философ, которого Примо де Ривера пытался заинтересовать фашистским движением, сказал ему, что все фалангисты, с которыми он говорил, не имеют ясного

* Примо де Ривера был избран в кортесы в ноябре 1933 г. по списку правых организаций Кадиса.

³⁰ «El Socialista», 10.IX.1934.

³¹ F. Bravo. Historia de Falange Española y de la JONS. Madrid, 1943, p. 77—79.

³² R. Ledesma Ramos. Op. cit., p. 213.

³³ S. Payne. Op. cit., p. 81.

представления о том, чего же они хотят. На это Примо де Ривера высокопарно ответил: «Сердце лучше, чем голова»³⁴. «Идеологическая» подготовка большинства фалангистов была весьма примитивна и сводилась к ультранационализму и ненависти к «левым» и сепаратистам, т. е. сторонникам автономии Каталонии, Страны басков и Галисии. К этому следует добавить душевную опустошенность одних, авантюризм и бешеное честолюбие других, которым казалось, что победа фалангистского движения делает все посты в государстве столь желанно близкими и легко доступными. Что касается социального состава первой «линии», то, например, в феврале 1936 г. в мадридскую фалангу входили главным образом мелкобуржуазные слои: разнорабочие и работники сферы обслуживания — 431, квалифицированные рабочие — 114, конторские служащие — 315, чиновники — 106, студенты — 38, мелкие предприниматели — 19, офицеры и летчики — 17 и 63 женщины³⁵. Специфика Мадрида, столицы Испании, предопределила сравнительно высокий удельный вес чиновников, конторских служащих, работников сферы обслуживания. В иных городах картина была несколько иной: в университетских центрах в составе фаланги было немало студентов из буржуазных и мелкобуржуазных кругов. В промышленных центрах, все еще не оправившихся от последствий экономического кризиса, фалангистами часто становились люмпены и опустившиеся безработные.

Первая «линия» надежно прикрывала вторую. И лишь только принимая во внимание последующий ход событий — установление диктатуры Франко, внезапное появление на политическом горизонте деятелей, связанных с крупным капиталом, — можно предположить, что именно они входили в эту «тайную» фалангу и финансировали ее. Возглавлял фалангу Национальный совет, который избирал свой исполнительный орган — политическую хунту. Во главе территориальных подразделений фаланги стояли местные «лидеры» — «хефес локалес» и «хефес провинсиалес». Первым генеральным секретарем фаланги был избран Фернандес Куэста.

В литературе об испанском фашизме часто можно встретить утверждение, будто лидеры фаланги отвергали любые коалиции³⁶. Это и поныне утверждают фалангисты³⁷. На деле фаланга не была против союзов и союзников при неперемennom условии, что лидерство останется за нею. Однако Примо де Ривера видел, что сфера влияния фаланги была весьма ограниченной, практически она находилась в политическом вакууме. Приходилось вносить существенные коррективы в «теоретические построения». В конце 1935 — начале 1936 г. лидеры фаланги предпринимают весьма энергичные усилия для вступления в организационно оформленный союз с консервативным фронтом.

Подавление астурийского восстания против всех ожиданий реакции повернуло события в противоположном направлении. И хотя в мае 1935 г. в правительство вновь вошла СЭДА, а Хиль Роблес стал военным министром, состав правительства уже не отражал соотношения сил в стране. Испания была на пороге нового революционного подъема, признаки которого ощущались повсеместно. Самоотверженная борьба компартии за спасение осужденных на смерть астурийских повстанцев, за амнистию 30 тыс. арестованных нейтрализовала плоды многолетней антикоммунистической пропаганды в глазах широких демократических кругов. Компартия показала себя выразительницей общенациональных интересов.

1 июня 1935 г. правительство отменило чрезвычайное положение и разрешило деятельность левых партий. На другой день на митинге в мадридском кинотеатре «Монументаль» генеральный секретарь КПИИ Хосе Диас обратился с призывом создать Народный фронт. Тем временем контрреволюционные силы торопились с ликвидацией республики. Но в лагере реакции не было единства. Те силы, которые стояли за СЭДА, предпочитали идти к намеченной цели конституционными средствами. Военные стояли за вооруженный мятеж. Когда Примо де Ривера стало известно о планах вооруженного переворота, вынашиваемого «Испанским военным союзом», он попытался войти в контакт с его руководителями. Как видно из писем того времени, Примо де Ривера считал, что мятеж военных против республики и свержение республиканского

³⁴ F. Bravo. Op. cit., p. 87.

³⁵ S. Payne. Op. cit., p. 87.

³⁶ B. Nellesen. Op. cit., S. 198—201.

³⁷ Например, Фернандес Куэста. «La actualidad española», p. 449.

правительства руками военных заговорщиков расчистят путь фаланги к власти. Франсиско Браво, член первой политической хунты фаланги, пишет, что 16 июня 1935 г. на заседании в Парадор де Гредос лидеры фаланги приняли решение поднять мятеж под тем предлогом, что это — единственное средство спасти Испанию от коммунизма³⁸. Был намечен список будущего правительства на тот случай, если действия военного союза и фаланги будут успешными. Министром национальной обороны должен был стать Ф. Франко; юстиции — его шурин, Р. Серрано Суньер; образования — Э. Аунос, бывший министр труда при диктаторе Примо де Ривера; экономики — Д. Карсельер, тесно связанный с верхушкой финансового мира. Лишь на пост министра путей сообщения прочили фалангиста Х. Руиса де Альду³⁹.

30 декабря 1935 г. разразился очередной правительственный кризис. Несколько дней спустя президент республики Н. Алькала Самора распустил кортесы и назначил новые выборы на 16 февраля 1936 г. Избирательная кампания началась в напряженной обстановке, а невиданная с первых лет республики атмосфера легальности предельно обнажила страсти. Выборы должны были сыграть роль плебисцита. 15 января был подписан «Избирательный пакт левых партий» — таково было официальное название документа, который вошел в историю как «Пакт о Народном фронте».

До этого все попытки добиться пересмотра конституции кортесами, избранными в ноябре 1933 г., кончались неудачей, так как правые не имели в них абсолютного большинства⁴⁰. На выборы 16 февраля Хиль Роблес, в то время общепризнанный духовный лидер реакции, шел с лозунгом: «Не менее 300 депутатов!». В эти тревожные дни в Мадриде собралась политическая хунта фаланги, чтобы присоединиться к борьбе правых против создававшегося в те дни Народного фронта. Фалангисты спорили об организационных формах. Отвечая тем, кто предлагал ограничиться тактикой бойкота выборов, Примо де Ривера и Руис де Альда настаивали на союзе с правыми, и прежде всего с СЭДА. Выступая за создание единого лагеря реакции против Народного фронта, Примо де Ривера видел в этом единственный путь повысить вес фаланги среди правых сил. Точка зрения Примо де Ривера возобладала, и вопрос в принципе был решен⁴¹.

Однако правые не горели желанием включать фалангистов в свои избирательные списки: фаланга, по мнению руководителей СЭДА, обладала ограниченным политическим влиянием в массах, и ожидать существенного прибавления голосов за ее счет было нельзя. И хотя сам Примо де Ривера не только не скрывал, а, напротив, широко рекламировал свои антикоммунистические взгляды, демагогические приемы и псевдо-радикальная фразеология фалангистских идеологов продолжали шокировать консерваторов из СЭДА. Переговоры фалангистов с Хилем Роблесом начались в декабре 1935 г. и закончились безрезультатно. Много лет спустя, в мае 1959 г., Хиль Роблес так объяснил свое негативное отношение к предложению Примо де Ривера: было бы нелогичным для такой откровенно антипарламентской группы, как фаланга, претендовать на значительное представительство на выборах. И кроме того, СЭДА, изъявившая готовность подчиниться парламентским нормам, была заинтересована в максимальном представительстве в кортесах⁴². Фаланга завела свои собственные избирательные списки. В них были внесены: Примо де Ривера, О. Редондо, Х. Руис де Альда, Р. Фернандес Куэста, «хефе» Сантандера — М. Эдилья, «хефе» Андалузии — С. Давила и др. Предвыборная пропаганда фаланги представляла образец самой безответственной демагогии: избирателям были обещаны немедленная аграрная реформа, поощрение мелкой промышленности, полная занятость для всех рабочих и служащих⁴³.

Лидеры фаланги лживо заверяли избирателей, что ее первым правительственным актом, если она придет к власти, будет повешение мультимиллионера и архиреак-

³⁸ «Occidente», 25.I.1938.

³⁹ J. A. Primo de Rivera. Textos ineditos., p. 199.

⁴⁰ «El Sol», 20.IX, 3.X.1935.

⁴¹ S. Payne. Op. cit., p. 89. В качестве источника Пейн использует неопубликованные мемуары фалангиста Х. Андино.

⁴² Интервью Х. Мариа Хиль Роблеса от 14 мая 1959 г. Цит. по: S. Payne. Op. cit., p. 280.

⁴³ F. Bravo. Op. cit., p. 150.

ционеру Хуана Марча⁴⁴. Ныне же известно, что именно Хуан Марч финансировал фалангу с самого начала. Но избирателей не соблазнили демагогия и псевдорадикализм фалангистов. Фаланга получила всего 40 тыс. голосов. Даже Примо де Ривера, внесенный помимо Мадрида в списки еще шести избирательных округов, не собрал достаточного количества голосов, чтобы пройти в кортесы⁴⁵. 18 февраля была объявлена победа Народного фронта. Революционная активность испанского рабочего класса, сумевшего накануне выборов в кортесы объединить в антифашистской борьбе трудовой народ и мелкую, а также часть средней буржуазии, закрыла перед правыми возможность завоевания власти парламентским путем.

Руководство фаланги, как и прочие правые, в первые часы после выборов находилось в крайней растерянности и унынии. Обстановка вынуждала к осторожности. 21 февраля Примо де Ривера рассылает циркуляр местным руководителям фаланги, предлагая им воздерживаться от проявления открытой враждебности к новому правительству и от демонстрации солидарности с потерпевшими поражение правыми⁴⁶. Одновременно лидеры фаланги лихорадочно ищут союзников. Существует предположение, что именно в эти дни Примо де Ривера предложил лидеру социалистической рабочей партии Индалесио Прието объединить умеренно-центристское крыло его партии с фалангой. В среде испанских социалистов имела хождение версия, будто Примо де Ривера предложил даже, чтобы лидером этой «социалистической фаланги» был Прието. Но центрист Прието, убежденный сторонник парламентаризма, отверг это предложение⁴⁷. В те же дни фаланга начала издавать ежедневную газету «*Arriba*», и, если судить по терминологии ее статей, фалангисты пытались предстать перед своими читателями не менее социалистами, чем деятели социалистической рабочей партии.

Но главную активность фалангисты проявляли на улицах, где явно отдавали предпочтение пистолету перед печатным словом. Когда западногерманский историк М. Меркес отмечает, что «после выборов 16 февраля экстремисты побежденных партий апеллируют к оружию»⁴⁸, то это прежде всего нужно отнести к фалангистским боевикам. 13 марта 1936 г. группа фалангистов организовала покушение на видного социалиста, одного из авторов Конституции 1931 г. — Хименеса де Асуа. Сам он остался жив, но был убит охранявший его полицейский. Вечером того же дня газета «*El Socialista*» закономерно задала вопрос: «Действительно ли у власти левые? Перевероты без счета, покушения, инциденты»⁴⁹. 14 марта 1936 г. фаланга была запрещена. 15 марта премьер-министр М. Асанья отдал приказ об аресте Примо де Ривера как руководителя организации, совершившей покушение. С ним были арестованы и помещены в тюрьму «Модело» члены политической хунты фаланги, находившиеся в то время в Мадриде.

«Образцовая» тюрьма «Модело» славилась своим либеральным режимом и была широко открыта для посетителей. Не составляли исключения и многочисленные визитеры Примо де Ривера и других фалангистов. Члены политической хунты фаланги, находясь в тюрьме, цепко держали в руках все нити управления своей организации. Как только Примо де Ривера получил возможность общения с внешним миром, он отдал указание ячейкам фаланги уйти в подполье и перестроить свою деятельность⁵⁰. Фаланге удалось издать несколько номеров подпольной газеты «*No importa*» («Все равно»). Для настроений лидеров фаланги и редакторов этого листка весьма характерна статья члена политической хунты фаланги, «узника» «Модело» — Рунса де Альда «Оправдание насилия», с восторгом встреченная всеми правыми: автор ее призывал совершить государственный переворот⁵¹. 16 июня, в день открытия кортесов, глава СЭДА Хиль Роблес, обратившись к правительству республики с внеочередным запро-

⁴⁴ J. A. Primo de Rivera. Obras completas, p. 840.

⁴⁵ «Война и революция в Испании. 1936—1939», т. I. М., 1968, стр. 82.

⁴⁶ J. A. Primo de Rivera. Obras completas, p. 886.

⁴⁷ J. Zugazagoitia. Historia de la Guerra de España 1936—1939. Buenos Aires, 1940, p. 7—8.

⁴⁸ M. Merkes. Die deutsche Politik gegenüber dem spanischen Bürgerkriegs 1936—1939. Bonn, 1961, S. 14.

⁴⁹ «El Socialista», 13.III.1936.

⁵⁰ J. A. Primo de Rivera. Textos ineditos., p. 358.

⁵¹ S. Payne. Op. cit., p. 104.

сом, повторил тезис Руиса де Альды: «Мы скоро будем присутствовать при заупокойной мессе по демократии»⁵². Правые, весьма скептически относившиеся к социальной демагогии фаланги, после победы Народного фронта стали рассматривать ее как одно из орудий фашистского переворота. По свидетельству Фернандеса Куэсты, после выборов в феврале 1936 г. правые изменили свою позицию. «Деньги потекли рекой». Субсидии фаланге, по его словам, составили 300 тыс. песет⁵³. Однако и эта цифра представляется нам заниженной. Щедрые пожертвования позволили довести в мае—июне 1936 г. численность фалангистской милиции (это была зеленая молодежь, преимущественно из мелкобуржуазных кругов) до 50—60 тыс.⁵⁴ Вооруженные отряды фаланги контрреволюционная буржуазия была склонна рассматривать как свою собственную милицию. В акциях фалангистских «пистолерос» принимали активное участие отряды фашиствующей «Молодежи народного действия», организационно примыкавшей к СЭДА. Лидер этой организации Рамон Серрано Суньер поддерживал весьма тесные отношения с Примо де Ривера. Было время, когда фалангисты с притворным негодованием отвергали сам термин «фашизм», которым коммунисты заклеивали их организацию. «Фаланга и ХОНС не являются фашистским движением», — утверждал Примо де Ривера на страницах монархической газеты «АВС» 19 декабря 1934 г. Времена изменились. Теперь и монархист, архиреакционер Кальво Сотело заявил в кортесах, что он не возражает, чтобы его политическая доктрина именовалась фашистской. Отныне многие отряды консервативного фронта изъявляли готовность маршировать под фашистскими штандартами. Антиреспубликанская Испания активно фашизировалась.

Активность фалангистов и консолидация на почве фашизма всего консервативного фронта вызывали тревогу и беспокойство демократических сил Испании. Широкие массы, и прежде всего пролетариат страны, требовали от правительства решительных действий. Отвечая на запросы депутатов коммунистов и социалистов, глава правительства Касерес Кирога дважды — 6 и 14 мая — выступил с заявлением, что правительство рассматривает фалангу, объявленную вне закона, главным врагом государства и собирается принять против нее самые решительные меры. По словам Кироги, в распоряжении полиции находились секретные досье фаланги, и полиция будто бы, намеревалась арестовать вслед за активными ее членами и тех архиреакционеров, которые втайне помогают ей⁵⁵. Но пока давались эти обещания, лидеры фаланги, находясь в тюрьме, укрепляли связи с реакционными силами консервативного фронта. В среде фалангистов по-прежнему не было единомыслия в отношении союзников. Среди членов политической хунты были фаватики, решительно выступавшие против любых коалиций с силами, способными в будущем претендовать на раздел власти над страной с фалангистами. Примо де Ривера использовал либеральные условия своего пребывания в тюрьме, чтобы стовориться с лидером традиционалистов Фалем Конде и военными заговорщиками⁵⁶. 29 мая агент Примо де Ривера, Р. Гарсеран, передал послание своего шефа генералу Мола, а затем генералу была переслана секретная информация о членах и структуре фаланги. В обмен на свое сотрудничество с военными фалангисты требовали политических гарантий, обеспечивающих участие в будущей власти⁵⁷.

В отличие от фалангистов и иных отрядов испанской реакции, взявших после 18 февраля курс на мятеж, Мола и другие военные заговорщики предпочитали не афишировать свою деятельность. Франко, Мола и Годед взяли под свое покровительство членов реакционного «Испанского военного союза» и приложили немало усилий, чтобы превратить аморфный до тех пор конгломерат фашистских сил в сплоченную и разветвленную организацию, связанную с карлистами и фалангистами. Еще ранее генерал Мола представил на рассмотрение руководителей

⁵² «Diario de Sesiones de las cortes españolas», 16.V.1936

⁵³ «La actualidad española», 18—25.XI.1971, p. 450.

⁵⁴ G. Jackson. The Spanish Republic and the Civil War. 1931—1939. Princeton, 1965, p. 418.

⁵⁵ «El Sol», 7, 15.V.1936.

⁵⁶ «La actualidad española», 18—25.XI.1971.

⁵⁷ S. Payne. Op. cit., p. 111.

«Испанского военного союза» проект создания всевластной военной директории⁵⁸. План установления власти военной директории поддерживал и находившийся в Португалии генерал Санхурхо, который по предварительной договоренности должен был стать главнокомандующим вооруженными силами мятежников. Мола не возражал против привлечения фалангистов к готовившемуся мятежу, хотя и весьма скептически относился к фалангистской милиции, крайне недисциплинированной и плохо вооруженной. По твердому убеждению генерала, возглавлять и контролировать мятеж могли только военные. Тем не менее лидер фаланги Примо де Ривера в секретном циркуляре от 29 июля предложил всем провинциальным лидерам фаланги принять участие в военном мятеже⁵⁹. Это опровергает легенды о якобы отрицательном отношении Примо де Ривера к союзу с наиболее консервативным крылом реакционного лагеря — военными заговорщиками и монархистами. На деле речь шла лишь о цене сотрудничества. Впрочем, на него пошли даже и тогда, когда цена была немаловажно низкой.

Примо де Ривера продолжал тесный контакт с Молой до самого мятежа. В последнем письме от 14 июля, переданном через Гарсерана, лидер фаланги предупреждал генерала: если военные заговорщики не начнут решительные действия через 72 часа, фаланга сама начнет мятеж в Аликанте⁶⁰. 17 июля 1936 г. начался военный мятеж в испанском Марокко, этой ахиллесовой пяте республики, а затем охватил всю Испанию. Фалангисты приняли в нем самое деятельное участие. По жестокости, с которой они расправлялись с республиканцами, они не имели себе равных в лагере мятежников. «Фаланга превратилась в организацию специалистов по пыткам и убийствам»⁶¹.

К началу мятежа фаланга действовала формально без лидеров. Республика, недооценившая опасность военного мятежа, в том, что касается фаланги, проявила бдительность: Примо де Ривера, Рунс де Альда и Фернандес Куэста находились в тюрьмах. На свободе остался лишь М. Эдилья, провинциальный «хёфе» из Сантандера, который и стал руководителем фаланги. Ряды фалангистов в мятежной зоне продолжали быстро расти. Лишь монархистский карлистский Союз традиционалистов и фаланга допускались в лагерь мятежников в качестве единственных гражданских группировок. Лидеры правореспубликанских партий и даже таких консервативных групп, как СЭДА, стоявших за парламентский легальный путь борьбы, не смели и показаться в зоне мятежников, потому что в глазах развязавших неслыханный террор фанатиков-фалангистов и многих военных все они были «презренными политиками, которые довели Испанию до катастрофы».

Окончание следует

⁵⁸ J. V i g o n. General Mola. Barselona, 1957, p. 98—100.

⁵⁹ Незданные мемуары члена фаланги Андино. Цит. по: S. P a u n e. Op. cit., p. 113.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ «Война и революция в Испании», стр. 130.

